

**«ПОСТРОЙКИ ЭТИ ПРЕДСТАВЛЯЮТ ХОРОШУЮ ПИЩУ
КРАСНОМУ ПЕТУХУ»: ЛАИШЕВСКОЕ ЗЕМСТВО
В БОРЬБЕ С ПОЖАРАМИ**

Миронова Е. В., кандидат исторических наук

**«THESE BUILDINGS REPRESENT GOOD FOOD FOR RED
ROOSTER»: LAISHEVSKY DISTRICT COUNCIL IN THE
FIGHT AGAINST FIRES**

Mironova E. V.

Бичом дореволюционной деревни были опустошительные пожары. Этому способствовали деревянная застройка, несовершенство печных систем и отсутствие водоемов поблизости. В результате огонь безжалостно выжигал дома и целые улицы, оставляя на их месте пепелища. До середины XIX в. не существовало развитой системы страхования, которая помогала бы сельским жителям оправиться от последствий пожара. Только с учреждением земства с 1860-х гг. стали заключаться страховые договоры с домовладельцами и собственниками другого имущества в уезде. На новые органы самоуправления также легла обязанность следить за пожарной безопасностью в селениях и уменьшением последствий для жителей.

Одной из таких мер было введение системы взаимного страхования сельской местности. В Лайшевском уезде она была введена в 1867 г. Однако была настолько несовершенной, что сумма вознаграждения в первое

время превышала страховые сборы, и земство не могло потянуть подобные расходы. Так, в течение 1867 г. произошло 39 пожаров, истребивших 584 дома, компенсация за которые превысила 34 тысячи руб., а собрано было по страховому окладу в 1,5 раза меньше¹.

Чтобы не работать себе в убыток, земство на основании постановления губернского земского собрания от 18 декабря 1888 г. ввело должность страховых агентов. Они проверяли общие страховые ведомости по обязательному страхованию, осматривали дворы на предмет соблюдения правил пожарной безопасности и составляли акты на нарушителей, регулировали оценку имущества, проверяли пожарные убытки, а также проверяли сохранность пожарных инструментов².

«Высокий сезон» пожаров начинался с установлением теплой погоды в мае и продолжался до сентября включительно, часто вспыхивая в одних и тех же селениях, поскольку

ку причины не устранялись. Так, с 1 июля 1888 по 1 июля 1889 г. неоднократно горели деревни Кабаны, Сорочьи Горы, Новая Ирга, Кугарчино, села Алексеевское, Державино. Тогда по дознаниям о причине было возбуждено 19 дел. В следующем отчетном году вновь четыре раза горело село Алексеевское, а кроме него – Татарские Саралы, Мысы, Елагино, Тетеевка, Шумково, Брехово, Епанчино, Юлсубино³.

По свидетельству одного из страховых агентов г. Корякина, в татарских селениях пожары бывали реже и то от самоваров, которые ставились в сенях изб, дымовые же трубы содержались исправно. Тогда как в русских селениях, при небрежном обращении с огнем, пожары происходили часто от неисправности дымовых труб и неправильной их эксплуатации даже в период усиленной топки – зимой. По мнению страхового агента Корякина, необходимо в каждом селении завести наемного трубочиста. Однако из ежегодных отчетов управы видно, что проблема неисправных труб так и не была решена. Например, к 1897 г. свыше 37% возгораний начиналось по причине неправильного устройства печных труб. При этом население не прислушивалось, сельское начальство бездействовало или даже нарушало правила пожарной безопасности. Так, в 1897 г. страховым агентом был составлен акт на старосту в Карадулях Василия Захарова, труба на доме которого не была выбелена, одна сторона ее стала обрушаться⁴.

Самые масштабные пожары происходят на неурожайные годы. Так,

пожары 1890 г. стали самыми масштабными за последние 8 лет, они свирепствовали на пространстве почти всего уезда и даже в зимние месяцы (в январе – 24, ноябре – 37, декабре – 23), всего зафиксировано 295 пожаров и 1410 потерпевших домохозяев. Сумма страховых выплат составила свыше 145 тысяч руб.

Масштабы распространения говорят о том, что пожары имели «характер как бы эпидемического поражения огнем нескольких местностей». Так, почти полностью сгорела деревня Пелова – здесь выгорело 126 домов, сильно пострадали села Саканы и Троицкий Урай – по 103 дома в каждом⁵.

В 1891 г., когда за неурожаем последовал голод, опять горели деревни одна за другой – Сингили и Сорочьи Горы – 7 раз, Большая Елга и село Алексеевское – 10 раз.

И хотя в ряде случаев причинами послужили неосторожность или неисправное содержание дымовых труб и печей, но в большинстве были не установлены. По отзыву страхового агента г. Корякина, оценка застрахованных им крестьянских домов самая умеренная, что исключало случаи самоподжогов. Однако на всякий случай, дабы избежать осознанные поджоги с целью получения компенсаций, страховые агенты произвели переоценку крестьянских построек с уменьшением их стоимости. Но были примеры расправы крестьян с односельчанами с помощью поджогов. Так, под подозрением оказались жители деревни Ямашево Урахчинской волости, где трижды пожары начинались у «мужиков хлебных»,

к которым бедняки неоднократно обращались за ссудой хлебом, но получали отказ⁶.

После понижения оценки имущества удалось добиться сокращения числа пожаров. Так, в 1892 г. 83 пожара (пострадало 514 дворов), в 1893 г. – 79 (330 дворов), в 1894 г. – 78 (203 двора). Соответственно снижалась и сумма выплат – с 33918 руб. в 1892 г. до 9578 руб. в 1894 г. Отметим, что на страховых агентов поступали жалобы от жителей на производимую ими переоценку⁷.

А чтобы исключить пожары по неосторожности, агенты предложили, кроме кратковременного ареста нерадивых крестьян, лишать виновных вознаграждения за пожарные убытки.

Несмотря на обязательный характер страхования построек, земство ежегодно недополучало в виде сборов от 15 до 20 тысяч, а суммарный долг недоимщиков превышал 100 тысяч руб. Например, село Мансурово нередко фигурировало в пожарных хрониках местной периодики, и в каждой заметке отмечалось, что после пожаров, уничтожавших десятки и сотни дворов, жители оставались ни с чем⁸. Из июльского номера газеты «Камско-Волжская речь» за 1914 г. мы узнаем о грандиозном пожаре в селе Чирпах, уничтожившем до основания 65 крестьянских дворов, со всеми постройками. Сгорело много имущества и домашней птицы. Пожар произошел по неосторожности. И здесь большое количество сгоревших дворов не застраховано. Многие из погорельцев остались без

кровы и жилища и лишились самого необходимого⁹.

К сожалению, страховые выплаты не распространялись на сгоревший скот, домашнюю птицу, а нередко именно они являлись основным источником пропитания и заработка. Нельзя было застраховать домашнюю утварь. Для защиты определенных видов движимого имущества земство ввело страхование на добровольной основе. Оно распространялось на хлеб, корм для скота и пр. Этим охотно пользовались состоятельные собственники, главным образом торговцы. Только страховка могла компенсировать ущерб от пожаров на пристанях, торговых рядах и складах с хлебными запасами. К примеру, пожар в августе 1913 г., вспыхнувший на Антоновской пристани в селе Алексеевском, несмотря на оперативные действия пожарной дружины, уничтожил 3 лабаза, в которых сгорело до 500 пудов ржаной муки и 150 ходов саней. Общий убыток доходил до 4 тыс. руб. Однако предусмотрительные торговцы все строения застраховали¹⁰.

Приведем другой пример. В результате поджога, совершенного крестьянином К. Е. Константиновым в деревне Гембурово Державинской волости, были уничтожены 24 дома со всеми надворными постройками. Убыток только по земскому страхованию составил 4458 руб., в то время как прочее имущество застраховано не было. Разъяренные жители, поймав преступника, едва не устроили самосуд¹¹. На дворе был 1912 г., пожары уничтожали целые селения из года в год, но существо-

вала возможность застраховать не только недвижимость, тем не менее, крестьяне по-прежнему продолжали надеяться на авось.

Поскольку пожары вспыхивали с устрашающей регулярностью, губернское собрание решило всерьез заняться предупреждением возгораний или хотя бы уменьшением их губительности. Прежде всего, уездным управам и волостным правлениям вменялось наблюдать, чтобы на месте сгоревших домов застройка велась по требованиям строительного устава – новые постройки не должны стеснять прежние, не допускалось застраивание площадей, улиц и переулков. В качестве руководства в волостные правления стали поступать из губернской управы новые планы селений, предусматривавших перенос за пределы селений бань, землянок и парников для «гнутья ободьев» и даже новых домов. Перенос усадьбы был предусмотрен для селений, насчитывавших 100 и более дворов.

Однако не все крестьяне сочувствовали данным распоряжениям, и управе приходилось воздействовать на население через уездную полицию. Понимая, что крестьяне будут продолжать застраиваться внутри селений, уездное собрание просило губернское не распространять этот запрет на строения, обложенные камнем и засыпанные землей.

К середине 1880-х гг. практически все селения имели утвержденные губернатором планы, кроме вновь образованных четырех селений, в которых поселились семьи отставных нижних чинов, получивших земель-

ные наделы на казенных земельных угодьях: Большая Солдатская Слобода, Малая Солдатская Слобода, Княжна, Иванаевка¹².

Земля под новые строения отводилась согласно правилам «о мерах предосторожности от пожаров вне городских поселений и о возведении сельских построек в Казанской губернии, составленных и утвержденных в порядке, указанном стат. 1937, 1938 и 1940 тома II свода Законов изд. 1876 г.»¹³. За отвод мест по планам отвечал волостной старшина при участии общества. Надо сказать, что каждый владелец усадьбы старался по возможности остаться на прежнем месте, хотя и полагалось пособие от земства для покрытия расходов по переносу дома. Возникла масса претензий, подавались жалобы на неправильность распоряжений по отводу участков, производилось много самоуправных построек. Иногда жители не отказывались от перепланировки, но требовали учесть их пожелания. И управа соглашалась на новые планы уже согласно приговору сельского общества. Так, пересоставлены были планы для селений Новые Арыши, Державино, Шумбут, Большие Куюки, Люткино, Бима, Наумовка. Если дела выходили за рамки компетенции управы, то агент-техник управы или волостной старшина составляли акт для передачи на рассмотрение судебных мировых учреждений.

Такое отношение населения тормозило порядок приведения селений в соответствие с планом. Само общество закрывало глаза на действия своих односельчан,

игнорировавших новые планы, поэтому нарушения устранялись только при условии их выявления агентом-техником или волостным старшиной. А если обнаруженная незаконная постройка успевала простоять не менее 6 месяцев, то штраф не налагался. Так, только в период с 1 июля 1884 по 1 июля 1885 г. было возбуждено целых 32 дела за нарушение строительных правил, из них решено 27. По 3 делам обвинение доказано не было, по 22 присудили снести неправильные постройки, по остальным 2 делам владельцы подверглись штрафу без сноса строений¹⁴.

Однако даже перепланировка не могла исключить распространение огня по всей деревне. Например, пожар, вспыхнувший в селе Мысы субботним майским днем 1913 г., при очень сильном ветре за час уничтожил 83 двора. Возгорание началось с бани в три часа дня, потом огонь по навозу перешел уже на двор. Многие домохозяева находились на работе, поэтому никому не удалось спасти свое имущество, сгорел даже новорожденный младенец, оставшийся без присмотра. Более того, в тот день стадо было пригнано пастухом с поля пораньше. Испуганные животные сами лезли в огонь. У большинства огонь уничтожил весь хлеб и лён, семена которого хранились дома, так как посев еще не начинали. Оценивая масштабы бедствия, корреспондент, сообщавший об этом в газете, восклицал: «Хватит ли у мысовцев (хватит чего?), чтобы поправиться от ужасного бедствия?»¹⁵.

Чтобы препятствовать стремительному распространению огня при сильном ветре, земская управа организовала посадку лиственных деревьев в селениях. Однако крестьяне отказывались брать саженцы, считая эту меру «совершенно излишней и праздною лишь затею начальства»¹⁶. Некоторые общества не противостояли в открытую посадке деревьев, а находили разные поводы избежать новую повинность. Например, в Казылях жители не посадили деревья, ссылаясь на ранние морозы, а весной – на начавшиеся полевые работы. По этой же причине мансуровское общество приговорило отказаться от получения 9000 саженцев из казенных дач. Вследствие этого управа обратилась к земскому начальнику 2-го участка оказать содействие к приведению в исполнение мансуровцами постановлений губернского земского собрания. Алексеевское же общество отказалось исполнить требование старшины, указывая на то, что ими уже неоднократно были посажены молодые деревья, но те погибали.

А иногда люди убеждались, что даже посадив деревья, последние погибали во время пожаров, не став естественным ограждением от огня, что в очередной раз демонстрировало крестьянам бесполезность навязываемой меры. Так было, например, во время пожаров в селах Карадули Чемерецкой волости и Саконы Алексеевской волости, где сгорели 5-летние саженцы 1883 г. посадки, так и не защитив от распространения пламени. Отказывались от посадки деревьев Шатковское и Кукеевское

сельские общества Карабаянской волости¹⁷.

Уклонение сельских обществ не заставило уездную управу отказаться от принудительной посадки деревьев, хотя мера и была безуспешной – либо по причине нежелания крестьян заниматься рассадкой, либо потому, что даже молодые деревца уничтожались животными.

Организация противопожарных мер в Лаишевском уезде включала в себя закупку огнетушительных средств. По прошениюм управы в Лаишевский уезд бесплатно высылались пожарные трубы, огнетушительная жидкость. За сохранностью пожарных инструментов велся контроль. Списки недостающих снарядов, находившихся в распоряжении сельских обществ, страховые агенты направляли в полицию с просьбой настоять об их восстановлении, а земская управа с соответствующей просьбой обращалась к земским начальникам.

Земская управа часто отмечала небрежное содержание пожарного обоза и неумелое обращение с ним, из-за чего «это средство почти ничтожно» в борьбе с огнем. А в летнюю пору и вовсе бесполезно, так как во время сенокоса и жнитва все рабочее население в поле и некому тушить пожар. Возможно, по этой причине земство не всегда охотно снабжало сельских добровольцев пожарными инструментами. Так, в июньском номере газеты «Камско-Волжская речь» за 1912 г. появилась критическая заметка лаишевского земства, не предоставившего необходимых огнетушительных средств

пожарной охране, сформированной в селе Мансурове из местной молодежи: «...местный священник о. Яхонтов еще в 1911 г. предложил нескольким молодым крестьянам образовать добровольную пожарную дружину, на что крестьяне охотно согласились. Весной 1911 г. было созвано учредительное собрание, составили протокол, подписали устав, прошение и все это для надлежащего утверждения направили по инстанциям. В июле последовало и разрешение на открытие дружины с распространением ее деятельности на ближайшие соседние селения. Дружинники чувствовали себя отлично: вот, дескать, мы заводим хорошее, полезное дело... 15 августа на собрании избрали попечителя, старосту и написали прошение в губернскую земскую управу о выдаче пособия в 200 руб. на огнетушительные снаряды, а также и об отпуске бесплатно пожарной трубы. Но прошение опоздало, и в сентябре последовал от управы ответ, что ассигновка на противопожарное дело исчерпана и ходатайство может быть удовлетворено только в 1912 г. Учредители не унывали и в октябре подали новое прошение, но на это прошение никакого ответа не получили; весной 1912 г. послали третье прошение и опять не дождались ответа. После такой неудачи дружинники теперь озадачены, рвение их охладело, а односельчане начали над ними подтрунивать. Между тем лето наступило, каждый день ждем пожара, а ответа нет как нет. Написали и послали 4-е прошение и опять ждем. Интересно знать, сколько нужно прошений для

того, чтобы пронять земство? А ведь и дело-то маленькое – все только о пожарной дружине?»¹⁸.

Отметим, что, несмотря на описанную в статье угрозу массового пожара и порыв крестьян самостоятельно бороться с огнем, из этого же источника мы узнаем, что мансуровцы пренебрегали правилами пожарной безопасности: «...село построено очень густо, дворы сидят тесно, избы крыты отчасти тесом и железом, отчасти соломой, а дворы представляют непрерывную линию соломенных крыш. Правда, крыши эти раскрываются большей частью весной на корм скоту, но все-таки постройки эти представляют хорошую пищу красному петуху, поэтому пожары в Мансурове редко ограничиваются 5–20 домами, а большей частью уничтожают по 80–120 домов»¹⁹.

И такая картина наблюдалась повсеместно в уезде. С этим лаишевское земство пыталось бороться еще в конце 80-х гг. XIX в., предложив всем обществам воспользоваться пособием на устройство соломенно-ковровых крыш – изобретение Красноуфимского реального училища. Однако тогда жители неохотно подавали прошения на замену крыш, и, к примеру, за отчетный 1888/1889 год в управу поступило лишь одно заявление крестьянина села Корноухова, Алексея Вадимова, устроившего такие крыши на житнице и холодных строениях. Однако сама изба осталась перестроенной, и управа отказала ему в премии. Со временем было решено, что идея замены соломенных крыш на соломен-

но-ковровые – без будущего, в виду сложности приготовления, сравнительной дороговизны и непрочности. В ряде селений – в Урахчинской и Масловской волостях – получили распространение постройки из дикого камня, известняка, который можно было использовать даже в нетесаном виде. Но поскольку их крыли соломой, то премий от земства не поступало²⁰. Тем не менее, премии от земства и занижение оценки за пожароопасные строения побуждали крестьян все чаще подавать прошения на устройство огнеупорных изб и крыш.

Таким образом, игнорирование требований земства о переносе построек на плановые места, готовность земства идти на уступки крестьянам, желавшим остаться в пределах своей усадьбы, мягкие наказания за нарушение предписаний, не позволяли обезопасить селения от распространения огня в случае возгорания. Такие недостатки были обусловлены бедностью и неразвитостью крестьян, но ликвидировать в короткие сроки эти причины земство было не в состоянии. Поэтому пожары продолжали оставаться характерным явлением сельской жизни, хотя их число снижалось благодаря усилиям земцев. Наиболее эффективной мерой земства стало страхование, благодаря которому сельские жители могли восстановиться после бедствия, отстроив заново жилище, обзавестись хозяйственными постройками, получить компенсацию за сгоревшее зерно или фураж.

Сведения об авторе: Миронова Елена Валерьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, e-mail: Yelena.Mironova@yandex.ru.

Аннотация: В статье рассмотрена противопожарная деятельность лаишевского уездного земства, включающая взаимное страхование, планирование селения, возведение препятствий для огня и т. д. Показаны проблемы взаимодействия земцев и крестьян. Сделан вывод, что во многом эти проблемы были обусловлены неразвитостью крестьян, а наиболее эффективной мерой оставалось страхование от пожара.

Ключевые слова: Казанская губерния, Лаишевский уезд, земство, пожары, страхование.

Abstract: The article deals with the fire-fighting activities of Laishevsky district council: mutual insurance, village planning, construction of obstacles to fire, etc. The problems of interaction between activists of zemstvo and peasants are shown. It is concluded that these problems were largely due to the underdevelopment of farmers, and the most effective measure was fire insurance.

Key-words: Kazan province, Laishevsky district, the district Council, fires, insurance.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1 Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства в 1867/1868 г.– Казань: Губ. тип., [б.г.]. С. 25.
- 2 Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы в 1888/1889 г.– Казань: Тип. и лит. А. А. Родионова, 1889. С. 17.
- 3 Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы в 1889/1890 г.– Лаишев: Тип. Ковалевой, 1890. С. 18.
- 4 Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы в 1897/1898 г.– Казань: Лито-тип. И. Н. Харитонова, 1898. С. 21.
- 5 Там же. С. 15.
- 6 Там же. С. 18.
- 7 Там же. С. 19.
- 8 Лаишевский уезд. Заживо сгоревшие. Грандиозный пожар // Камско-Волжская речь. 1914. № 140. 25 июня; Лаишевский уезд. Пожар // Камско-Волжская речь 1914. № 154. 13 июля.
- 9 Лаишевский уезд. Грандиозный пожар // Камско-Волжская речь. 1914. № 158. 13 июля.
- 10 Алексеевское (Лаишевского уезда). Пожар на пристани // Камско-Волжская речь. 1913. № 190. 29 августа.
- 11 Лаишев. Поджог // Камско-Волжская речь. 1912. № 160. 19 июля.
- 12 Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и действиях уездной управы в 1885/1886 г.– Казань: Тип. губ. правления, 1886. С. 22.
- 13 Правила о мерах предосторожности от пожаров вне городских поселений и о возведении сельских построек в Казанской губернии, составленных и утвержденных в порядке указанном ст. 1937, 1938 и 1940 т. II Свода законов, издания 1876 г. [Текст].– Казань: [б. и., б.г.]. 44 с.
- 14 Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и действиях уездной управы в 1884/1885 г.– Казань: Тип. Казан. ун-та, 1885. С. 21.
- 15 Мысы (Лаишевского уезда). Пожар с человеческой жертвой // Камско-Волжская речь. 1913. № 102. 9 мая.

16 Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и действиях уездной управы в 1884/1885 г.– Казань: Тип. Казан. ун-та, 1885. С. 23.

17 Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы в 1889/1890 г.– Лаишев: Тип. Ковалевой, 1890.– С. 22

18 Мансурово (Лаишевского уезда). Земская волокита // Камско-Волжская речь. 1912. № 140. 23 июня.

19 Там же.

20 Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы в 1897/1898 г.– Казань: лито-тип. И. Н. Харитонова, 1898.– С. 22.